

Кавасаки, Глава 12

Пролив Лаперуза, где свирепствовал тайфун, изрядно потрепал «Викерс», затянул шкуну в морской водоворот, образующийся встречными приливными течениями, только случайно не поломав паровую машину, напоследок беспомощную, чуть не выбросил на японский берег. Капитан увел судно на полдень в открытое море.

Шкуна идет на машине, скользит как по водорослям. Ночной простор волн мягко поблескивает под западной луной, словно ловцы морской капусты ушли, вытащив ее на берег для просушки. Япония раскрылась, трепеща мириадами низких огней в основании причудливо змеящегося черного занавеса. Штиль. Капитан развернул пароход по траверсу, приблизившись к ночным бивакам, искрами заполнивших береговую линию. Ближние огни колышутся отдельно. Да это же, лодки! Множество лодок с факелами над низкими бортами. К берегам Японии подошла иваси.

- Фишмен? - спросил кэпа Бакунин, стоящий рядом на мостике. Мистер Болан подал команду чифу - «Всех на палубу».

— Возможно, - капитан повернулся к Мишелю с озабоченным ответственным лицом. «Викерс» вновь отделился от берегов.

Заря поднялась из разрыва глубины пролива Цугару. Словно плавники касаток, ныряют в океанской зыби черные паруса - японские «кавасаки». А гористый берег пустынного Хоккайдо показался неосторожно далеким. Но капитан ушел с прямого курса на Хакодате, повел «Викерс» к мысам Хонсю.

В лазури неба под толщей прозрачной кильватерной волны неподвижно упорядоченным строем движутся дельфины, синхронно выныривают, блеснув драгоценным изумрудом над сморщенным шелком океана. Дальняя полоска белого пляжа пенится у крутых живописных скал.

Накат проявляется на фоне густой глянцевой зелени бамбука, языками стелящегося между скал, крытых кудрявым лесом. Вблизи берега видны желтые маки и приморский шиповник по склонам. За выплывшим мысом в тупике неприступной бухты неожиданно открылись вертлявые лодки с черными парусами, они сгрудились, прижав к берегу большую плоскодонную джонку, расцвеченную многочисленными вымпелами. Идет яростный бой на ее высоких бортах, редкие вспышки огня и клубы дыма фитильных двухметровых ружей. Разбойные фигуры в черных рубахах люто рубятся с пестрой толпой на джонке. Несколько «кавасак» развернулось на веслах в сторону иностранца, и энергично приближаются к шкуне. Команда «Викерса», как хорошо отлаженные часы капитана, развернула борт и вслед приказа «достать из оружейной капсульные карабины», дала залп в сторону неприятеля. Шкуна углубилась в гущу схватки. Мелькали в пороховых клубах злые лица немногочисленной команды. Решительный отпор двенадцати моряков «Викерса» рассеял преследователей, нападавшие поспешно ретировались и от ярко раскрашенной джонки.

«Викерс», заволакивая морские волны корабельным дымом, остановился на безопасном

расстоянии от потерпевших. Матросы вытащили на борт человека, похожего обликом на мокрую белку в своем халате-кимоно. Оказавшись на твердой палубе, он извернулся из рук спасителей, обнажил саблю, и молча, бешено вращая остекленевшими черными глазами, словно звереныш, забился к борту. Угрожая клинком и не обращая внимания на направленные дула карабинов окруживших его моряков, японец, стоящий в луже воды, почему-то с ненавистью смотрел, не мигая, только на могучую фигуру безоружного русского, который бесстрастно курил. Бакунин, вытащив сигару, зажатую во рту, рыкнул на него: «Холера тебя возьми!», и почему-то прокричал боевой девиз гарибальдийцев: «Форте Италия!», потом, скорчив «козью рожу», добавил что-то про «Япону мать!». Это произвело впечатление, самурай, склонив бритую голову с толстой, как баварская колбаса, косой на затылке, положил меч к его ногам. В это время достали еще одного, затянутого в черные одежды, но не отпустили, как первого, а, надавав тумаков, держали за руки у противоположного борта.

От джонки спустили лодку, и двое самураев, одетых в сиреневые кимоно с гербами, с такими же прическами, как и у нашего гостя, поднялись на борт «Викерса», оставив в лодке простоволосых и голых по пояс гребцов. Выплывая слова, словно лая, выставив переднюю челюсть, начали гневно что-то требовать, с презрением смотря на новенькие ружья и выцветшую одежду европейцев. Капитан «Викерса» и старший помощник одеты в форменные мундиры, команда же шкуны больше напоминает пиратскую вольницу.

Китаец Ван-Юшан выступил переводчиком. Оказалось, что парламентарии понимают по-китайски. Самураи требовали объяснений, почему иностранцы так близко подошли к священным берегам Ямато! Утопленник, снова при сабле, вложенной в ножны, блистая ожившими глазами, указывал на Бакунина, говорил, что это «большой, очень грозный начальник». Фигура Бакунина действительно напоминала рассерженного Зевса. Кэп вынес и показал какую-то судовую бумагу на английском языке и с красной печатью. Японцы присмирели, но возможно на них подействовал запоздалый выстрел из небольшой пушки на корме, ее наконец-то вытащили из трюма. Самураи потребовали отдать им второго спасенного из волн. Когда их спросили: «Зачем», - ответили, - «Чтобы немедленно казнить». Кэп снял кепи, протер платком бритую вспотевшую голову, растерянно засомневался, но Бакунин вновь подал голос, гневно сказав: «Это пленник, он на территории, не принадлежащей Японии, и они сами будут его судить». В подтверждение его слов, на покорного разбойника надели кандалы.

Когда японцы отвалили от «Викерса», кэп, не мешкая, приказал оставить берега Хонсю. Пленник коротко сошелся с коком Ван-Юшаном, обитал на камбузе и не особенно тяготился неволей. Мишель с любопытством наблюдал ловкого пирата, разминавшегося на палубе шуточной «дзюдзюцу» с китайцем. Тот даже научил русского уходить от ножа. Пленник находился на шкуне и был отпущен на маленьком островке, где находилась угольная база вблизи закрытого для европейцев пролива Симоносеки.